

18+

Александр Кеслер

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ СКАЗКУ

Александр Кеслер

Я расскажу тебе сказку

«Издательские решения»

Кеслер А.

Я расскажу тебе сказку / А. Кеслер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509747-7

В этой книге есть продолжения известных сказок, где со знакомыми героями происходят уже новые неожиданные приключения. Есть в ней и другие сказки — с неизвестными читателю героями, поступающими нестандартно и непредсказуемо. А еще есть фантастические сказки, рассказанные космическими скитальцами.

ISBN 978-5-00-509747-7

© Кеслер А.
© Издательские решения

Содержание

Я расскажу тебе сказку	6
Часть 1. «Там на неведомых дорожках»	7
Смолян и Васька	7
Портал	18
Пошлина	23
Ледниковый период в Лукоморье	29
Реформатор	33
Часть 2. Родом из детства	36
Сказка про царя-милитариста и Степку-пацифиста	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Я расскажу тебе сказку

Александр Кеслер

© Александр Кеслер, 2019

ISBN 978-5-0050-9747-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я расскажу тебе сказку

В этой книге собраны разные сказки. Герои некоторых знакомы всем с детства, а о некоторых вы узнаете прочитав эту книгу. Но уверен, что как первые, так и вторые непременно поднимут настроение читателям, поскольку написаны сказки иронично и с юмором.

Подозреваю, что в знакомых нам с детства сказках их создатели не все рассказали и кое-что оставили за кадром. Возможно сделали они это намеренно, чтобы читатели сами могли пофантазировать о том, а что же было с героями дальше. Свои версии я изложил в этой книге.

В ней читатели найдут как продолжения знакомых сказок, так и совершенно новые – неизвестные им истории. В каждой из них с героями происходят какие-то неожиданные, а порой даже фантастические приключения. Да и сами герои ведут себя, как правило, нестандартно и непредсказуемо. Поэтому угадать заранее чем может закончиться та или иная сказка невозможно. Сказочные персонажи здесь шагают в ногу со временем, и разговаривают современным языком. Это с первых строк настраивает на веселое, «лёгкое и необременительное чтение», как высказался один из читателей и добавил: «Не путать с пустым времяпрепровождением».

Есть в этой книге и фантастические сказки, рассказанные космическими скитальцами, коротающими минуты досуга где-то в баре на далеких космических станциях, куда их забросила судьба.

Наверное, люди так устроены, что несмотря ни на что, они верят в торжество справедливости. И нам всем конечно же хочется, чтобы добро побеждало зло, тем более, что в реальной жизни, к сожалению, с торжеством справедливости как-то не всегда складывается... Может поэтому нам и нравятся сказки.

Некоторые произведения были участниками и даже становились призерами различных литературных конкурсов. Кому-то из читателей эти сказки напомнили серии мультфильма про богатырей, о чем они писали в своих отзывах. И хотя, на самом деле, герои здесь совершенно иные и трех богатырей ни в одной из сказок нет, но, вероятно, какое-то созвучие с упомянутым сериалом в них присутствует.

Надеюсь, что эти сказки, адресованные детям постарше и их родителям, подарят читателям заряд позитива и хорошее настроение.

С уважением автор и его соавтор Григорий Родственников, принимавший самое активное участие в написании ряда сказок и создавшего иллюстрацию обложки этой книги.

Часть 1. «Там на неведомых дорожках»

Смолян и Васька

(написана в соавторстве с Григорием Родственниковым)

*«У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;»*

(А. С. Пушкин)

Туристический сезон в Лукоморье оказался под угрозой срыва. И причиной тому стал учёный кот Василий.

Поначалу импровизации легендарного кота выглядели забавно и даже вносили некое разнообразие в привычную накатанную годами программу. Старые сказки в исполнении Васьки вдруг зазвучали по-новому, поскольку он регулярно добавлял в сюжет какие-то неожиданные повороты – вроде такого: «...выдернул дед репку и упал на бабку, бабка – на внучку, внучка – на Жучку, Жучка – на Мурку, Мурка – на мышку, а та и пикнуть не успела. Тут-то ямка от репки им и пригодилась».

Но это ещё что. Особенно ему удавались песни на популярные мелодии. В исполнении Василия они наполнились совершенно иным смыслом, что вызывало неподдельный интерес в широких народных кругах.

Всё это, как Вы понимаете, была присказка. А вот теперь начинается сказка.

Как говорится, лиха беда начало. Постепенно Васька перешёл от сказок к анекдотам, которые, как правило, начинались с фразы «однажды русский, француз и немец (или англичанин)...», а заканчивались традиционно одинаково, что дюже шибко обижало туристов хряпцужского, германского и аглицкого королевств. О песнях и говорить нечего, поскольку репертуар кота составляли в основном матерные частушки.

Вот тогда-то царь Берендей и заподозрил неладное. Оказалось, что память стала подводить лохматого – кот забывал классические сказки, оттого и придумывал собственные повороты сюжетов и непредсказуемые финалы...

* * *

Царь Берендей пил с горя уже третий день кряду. Однако это слабо помогало, поскольку в голову ничего путного не приходило.

– А может, наш Василий филонит? – выдвинул сомнительное предположение первый министр Силуян, незаметно просочившись в трапезную и внезапно материализовавшись у Берендея за спиной.

– Тьфу ты, чертяка, напугал! – встрепенулся царь от неожиданности, пролив вино из кубка на штаны. Пятно получилось большим и некрасивым. Монарх потрогал его пальцами и окончательно погрузился:

– А какой ему смысл придуриваться? Нет, занедужил Васька – верняк.

– Не факт. Может, решил хитроман отпуск себе устроить, вот и притворяется слабоумным. Надо бы с ним построже, царь-батюшка.

– Да я пробовал уже и построже, и поласковее. Бесполезно это. Лекарь говорит, возрастное это у него – склероз. Тут только молодильные яблоки помогут.

– Так в чём проблема? Напиши царский указ и отправь Ивана-дурака с секретным поручением за ентим самым лекарством куда следует.

– А то бы я без тебя не сообразил, – недовольно буркнул Берендей, опрокинул кубок с вином в глотку, занюхал засаленным рукавом золочённого кафтана и вздохнул. – Уже две недели минуло, как отправил.

– Тогда и печалиться не о чем.

– Глупый ты, Силуян, хоть и министр. Иван вот уже три дня, как должен был воротиться, а его и след простыл. К тому же, доходили до меня слухи, что в тридевятом царстве прошлый год неурожайным выдался, и тамошний царь дюже лютует, когда к нему народ за яблоками прётся. Ежели не в настроении, то может и голову отрубить и на кол посадить. А так-то оно, конечно, и печалиться не о чем...

* * *

Василия разбудило противное громкое карканье, доносящееся с улицы. Звуки были настолько резкими и раздражающими слух, что кот попытался заткнуть уши лапами. Не помогло. Тогда Василий, не открывая глаз, грозно мяукнул:

– Кыш!

Однако птица не только не уgomонилась, а напротив, разразилась таким оглушающим карканьем, что кот мгновенно забыл про сон, высунулся из дупла и рывкнул:

– Кому жить надоело?!

На золотой цепи раскачивался здоровый чёрный Ворон. Он скосил на Василия чёрный глаз и каркнул:

– Мне надоело! Двести пятьдесят девять лет почтальоном работаю, а народец по-прежнему злой и неблагодарный. Скажи мне, учёный кот, где справедливость?

– Чего тебе, пернатый? – нахмурился Василий.

– Весточку тебе от друга притаранил, – деловито заявил гость.

– Давай, – протянул кот лапу.

– Ишь ты, какой шустрый. А напоить, накормить гонца с дороги по доброй традиции? Или ты не русский?

– Ах, да! – хлопнул Васька себя по лбу лапой, пошарил на дне дупла и подцепил когтем скатерть-самобранку, – совсем запамятовал. Старость – не радость.

* * *

– Короче, ситуация кислая, – рубил правду-матку ворон, уплетая кренделя и печеньки за обе щёки, – забрёл он в болото и повстречался там с Лешаком. А Лешак этот тварь ещё та. Он у лесной нечисти в авторитете. Те его, как святой водицы бояться – вот он и обнаглел, беспредельничать начал. А характер у него не простой, вздорный. Озоровать шибко любит, надо всеми насмехаться и подшучивать. Закружил Ивана, следы запутал, в болото загнал, в самые топи непролазные, и спрашивает: «Хочешь, Ваня, домой вернуться или желаешь здесь навеки сгинуть?»

– А Иван чего? – заинтересовался кот.

– Известно чего. Кому же охота зазря пропадать? Хочу, говорит, домой, как не хотеть? А вражина лесная ему тогда и говорит: «В карты сыграем. Если выиграешь – укажу дорогу. А ежели проиграешь – станешь моим слугой на целые три года!»

– О, как! – мяукнул кот, – неравноценный обмен! Дорогу Ванька бы и сам как-нибудь нашёл, он по чужим лесам шастать мастак, не впервой.

– То-то и оно, – каркнул ворон, – не знаю, как там вышло, может, Леший ум Ваньке затуманил, может, морок навёл, а только согласился Иван играть...

– Ну и...

– Что и? Продулся Ваня, вчистую.

– Да-а, – поскрёб затылок когтями Василий, – все-таки не зря ему такое погоняло присвоили, «Дурак», ох, не зря. И что же теперь делать?

– Это тебе лучше знать. Ведь не просто так тебя «учёным» кличут?

– Учёный, – вздохнул кот, – был учёный, да кончился. Болезнь страшная меня источила. Склероз называется. Слышал про такую?

– Нет, не доводилось, – развёл ворон крылья в стороны. – А чего она делает?

– Она, пернатый, мозг выедаёт. Как есть памяти лишает. Забыл я вдруг все сказки и песни напрочь.

– Полностью забыл? – опечалился ворон.

– Почти. Куплет или два помню, а целиком никак. А это ведь для нашего Лукоморьего бизнеса полная и окончательная гибель. Туристам чего говорят про меня? «Идет налево – песнь заводит, направо – сказку говорит...». А тут, куда ни иди – всюду склероз.

– Страх-то какой, – покачал головой ворон, – а может, это злое колдунство? Ты анализы на ворожбу сдавал?

– Ясное дело. Первым делом. Нет во мне ни капли чужой магии. Чист я, как лесной родник. А мозг, что изъеденное яблоко – весь в дырах да червоточинах... Сгрыз меня окаянный склероз. Пенсионер я теперича, пернатый.

– Чур меня! Не ругайся таким страшным словом!

– А что делать? Только накинуть на шею золотую цепь да и удавиться по-тихому.

– Удавиться оно, конечно, можно, но только ведь ты не простой кот, а сказочный. Значит, надо найти волшебное средство против твоего недуга.

– Есть такое средство. Молодильные яблоки царя Злобомира. За ними и послал Берендей Ивана. А он, видишь, у тамошнего лешего сгинул.

– Не сгинул он, а в полон попал. Восточку тебе отправил. Сидит горемычный и ждёт, что его друг Василий из беды вызволит. А Василий мне про суклерос какой-то рассказывает. Или ты уже не легенда Лукоморья?

– Легенда, – вздохнул кот, – только я, пернатый, сроду дуб заповедный не покидал. Здесь и состарился. Ноги у меня к дальним переходам не приучены, ориентироваться в лесу не умею. Дорог не знаю. Как я Ивана разыщу? Кто мне путь укажет?

– А я что, зря двести пятьдесят девять лет при почте служу?! – расправил крылья ворон. – Я все дороги-пути на все Тридевятые и Тредесятые царства знаю, о всех временных порталах ведаю. Собирайся, кот, за Иваном пойдём.

– Правда, дорогу укажешь? – обрадовался Василий. – Милый ты мой Воронок! Так я это... сейчас! Только котомку соберу! Ты погоди – я сейчас!

Через малое время Василий был готов к путешествию. Он аккуратно смотал и спрятал в дупле дуба золотую цепь, надел на ноги красные сафьяновые сапожки, закинул за спину узелок с необходимыми походными принадлежностями и подмигнул ворону:

– Я готов, пернатый!

– Для кого пернатый, а меня отец Смоляном нарёк, – недовольно посетовал ворон. – Надеюсь, скатерть-самобранку не забыл? А то не люблю, когда в брюхе от голода урчит.

– Не волнуйся, Смолян, голодать не придётся. Далеко ли до земель царя Злобомира и болот, где Ванька мается?

– Отсюда две недели хода, – усмехнулся ворон и, видя, как потускнели зелёные глаза Василия, поспешил добавить: – Но мы за час доберёмся, ибо я не зря на почтовой службе перья терял – ближайший пространственный портал знаю. Тут недалече – вторая полянка слева.

* * *

– Как же он в такой блудняк вляпался? – сокрушался Василий, топая за Смоляном.

– Эх, не хотел я тебя огорчать, – махнул крылом ворон, – тем более, что это только моё предположение, но думаю, что тут всё дело в ля-фам.

– А вот с этого места поподробнее, – заинтересовался Василий.

– Да тут вот как получилось-то. Когда Ванька за яблоками к царю Злобомиру явился, тот хотел было ему голову отрубить. Давно, говорит, у нас в царстве никаких развлечений не было,

так что ты очень вовремя пожаловал. Палач участливый такой попался, подбадривает Ивана, интересуется: «Волнуешься, паря? В первый раз?»

Но тут дочь царя – Ульянка все карты спутала. Вступилась она за Ивана, поскольку глаз на него положила. Она-то ему, кстати, пару килограмм батиных яблок и отсыпала втихаря, надеясь, что Ванька её полюбит за это всей душой и под венец позовёт. А только тот жениться на ней и не помышлял. Но дурак, он дурак и есть. Нет чтобы слинять по-тихому и подарить девке надежду, что вернётся к ней и свадьбу сыграют, так он что учудил. Взял, да и накатал ей прощальное письмо аккурат перед тем, как улизнуть из царства Злобомирова. Поблагодарил её, значит, чин по чину, что помогла она ему, пожелал ей счастья и семейного благополучия, мужа хорошего и так далее. А в конце приписку сделал: «Молодой я ещё для семейной жизни, не готовый я к ней». Ульянка прочла то письмо, да и смекнула, что лямур с Иваном обломился. Осерчала, знамо дело. И я так себе думаю, что отправила она голубя почтового к Лешему. Неспроста этот ирод Ваньку в болото заманил, да ещё и в темницу заточил. Во как оно всё обернулось-то.

– «О женщины, вам имя – вероломство!» – вздохнул Василий и, хитро прищурившись, поинтересовался: – А ты-то чего впрягся в это дело? Али какой личный интерес имеешь?

– Не без того, – сознался Смолян, – мне уже недолго осталось, третья сотня на убыль пошла, а Ванька молодильное яблоко посулил за помощь.

– И нафига тебе это? Хочется ещё триста лет почтальоном работать?

– Не, не хочется, но охота посмотреть, чем закончиться бардак, который на земле творится.

– Понятно. У каждого свои тараканы в голове. А яблоки-то Леший у Ивана не отнял? – удивился кот.

– Не, в котомке они у него, сам видел. Если что, то можешь три года подождать. Яблоки, правда, к тому времени в сухофрукты превратятся, и эффект от них будет не такой мощный...

– Не, Смолян, три года долгий срок. Я за это время всё на свете позабуду. Да и Лукоморье окончательно обнищает. Тут как ни крути, а нужно Ваньку выручать.

* * *

За разговорами кот не заметил, как Смолян довёл его до портала, и уже через какой-то час спасатели оказались на болоте около ветхой перекошенной избушки, крыша которой была покрыта зелёным шелковистым мхом.

Леший, вероятно увидев в окошко, что пожаловали гости, тут же предстал перед котом и вороном собственной персоной.

– Вот ты-то нам и нужен, – обрадовался Василий, оценивающе осматривая неизуродованное интеллектом лицо хозяина лесов и болот.

– Мы всегда гостям рады, – ехидно лыбился Лешак. – Заходите в дом, перекусите с дороги, чайку на травках попейте.

– Спасибо за приглашение, но некогда нам чай с тобой гонять. Дело у нас к тебе.

– Что за дело? – насторожился Леший.

– Говорят, что ты Ивана-дурака пленил.

– Кто говорит?

– Неважно кто, авторитетные люди говорят.

– Ну, есть такое дело, – не стал отпираться Леший. – Только там всё честно было – карточный долг... сами понимаете. А вы чего хотите?

– Хотим, чтобы ты Ивана отпустил, – каркнул Смолян.

– Это можно, работник из него аховый. Но, сами понимаете, что не за просто так.

– И какие твои условия, дядя? – спросил Василий.

– А сыграйте со мной в карты. Выиграете – забирайте своего дурня, а проиграете – составите ему компанию.

- Василий пристально посмотрел Лешему в глаза и отрицательно покачал головой:
- Не, в карты с тобой, дядя, играть я не буду.
 - Струсил? – решил взять его на слабо Леший.
 - Просто не люблю полагаться на случайность. Вот если бы ты мне какое-то интеллектуальное состязание предложил... Шахматы, например.
 - Чего удумал. Где я тебе шахматы в этой глуши возьму? Тем более, что я и играть в них не умею.
 - Беда с вами – с нечистью, – вздохнул кот, – тогда предлагаю альтернативный вариант: я тебе стану загадки загадывать. Если ты три загадки не отгадаешь, считаем, что проиграл, и Ивана отпускаешь.
 - А давай! – заржал Леший, – это я могу.
 - Вот и договорились. Сейчас проверим твою смекалку и сообразительность. Только смотри, чтобы потом не увиливал, – погрозил кот лапой, – при свидетелях согласился.
 - В подтверждение этого Смолян громко каркнул.
 - Ладно-ладно. Загадывай свои загадки, – великодушно позволил хозяин.
 - Давай смоделируем такую ситуацию...
 - Чего сделаем? – оторопел Лешак.
 - Не заморачивайся, а то мозг лопнет, а тебе ещё загадки отгадывать. Представь себе, что ты насобирал на своем болоте сотню мухоморов.
 - Это я легко. А в чём загадка?
 - Да не лети ты как голый в баню, дослушай вначале. Лежат они, значит, у тебя в лукошке, пришел ты домой и начал их считать.
 - Нафига? Я же знаю, что их там сотня.
 - Ну, не знаю я, нафига. Чтобы правильную дозировку для настойки отобрать, например.
 - А, ну это другое дело, это важный момент, – с пониманием кивнул Лешак. – Тут если с дозировкой ошибёшься, то и травануться можно.
 - Так вот, за десять секунд можно сосчитать десять грибов. Сколько времени нужно, чтобы отсчитать восемьдесят?
 - Да это же элементарно, кот. Если десять грибов – десять секунд, то значит отгадка – восемьдесят секунд.
 - Можно, конечно, и восемьдесят секунд считать, – согласился с ним Василий, – но правильный ответ – двадцать.
 - Это как?!
 - Элементарно – двадцать отсчитал, значит восемьдесят осталось.
 - Я хвастался-то, что загадки для тебя тыфу, – злорадно каркнул Смолян.
 - Так я же думал, что вы нормальные загадки будете загадывать.
 - А я тебе какие загадываю? Слушай вторую: что можно завязать, но нельзя развязать?
 - Шнурки? – с сомнением промямлил Леший, – да нет, ерунда какая-то... А, знаю! – радостно завопил он. – Петлю на шее! Повешенный-то её уже не развяжет.
 - Интересная версия, но несколько мрачноватая и неправильная, – поморщился Василий, – петлю сможет развязать другой человек, а правильный ответ – «разговор».
 - Эх, Леший, голова-то не только шапку носить, ей думать нужно, – потешался ворон.
 - Две загадки ты уже не отгадал, – констатировал Василий. – Слушай третью загадку: идёт то в гору, то с горы, но остаётся на месте.
 - Это как?... Это кто же?... растерялся Леший. – Да фиг его знает, что это такое?
 - Это дорога. Освобождай Ивана, вражина.
 - Не освобожу, – буркнул Леший.
 - Почему? – оторопел Василий.

– Не хочу, – вздохнул повелитель леса, – сейчас подумал – вы уйдёте, а я с кем останусь? Так хоть Иван есть – можно в картишки перекинуться. Нет, не просите, не освобожу.

– Ты же обещал! – каркнул Смолян, – все слышали!

– А я не слышал! – нагло ухмыльнулся Леший. – Вам слышалось. Это, наверное, дерево скрипело или выпь вдалеке проорала.

– Какая ещё выпь?! – начал горячиться Смолян, но Василий пихнул его лапой в бок:

– погоди. Значит, передумал отпускать?

– Ага, – расплылся в гадливой ухмылке Леший, – передумал.

– И на мнение окружающих о твоём недостойном поступке тебе плевать?

– Абсолютно, – кивнул головой Леший. – Чего мне окружающие? Кто меня здесь осуждать осмелится?

– Действительно, – согласился Василий, – тут ведь одна нечисть бесстыжая живёт. А ежели мы тебе выкуп за Ивана предложим?

– Выкуп? – заинтересовался Леший, – это можно. А чего у вас есть?

– Молодильные яблоки! – каркнул ворон, – съедаешь и молодеешь!

– Не, – скривился лесовик, – на что они мне? Я и так молод. Бороду триста лет растил. Вдруг после яблок укоротится?

– Золото тебя, конечно, не заинтересует? – предположил кот, – драгоценные камни? Жемчуг? Бисер для свиней?

– Не, – замахал руками Леший, – на кой мне всё это в лесу?

– Сукно для штанов? – поддакнул Смолян, – красное, под цвет мухоморов!

– Зачем? – насупился Леший.

– Как зачем? Наденешь модные червонные трусы – все кикиморы твои будут!

– Издеваешься, пернатый! – разозлился Леший и попытался схватить ворона за хвост, но тот проворно взлетел и уселся на ветку ели. Скопил на лесовика чёрный глаз и прокаркал:

– Не хочешь, как хочешь! Ходи без порток!

– А я вот сейчас прикажу вас схватить и на муравейник посадить! – пообещал Леший. — Это мой лес. Я здесь хозяин, и надо мной смеяться нельзя.

– Ладно, – Василий примирительно поднял лапы, – не будем ссориться. Это Смолян от усердия тебе услужить предложил. Продолжим торг. Может, ты качественный алкоголь уважаешь? У Берендея одного пива двенадцать сортов! Есть мадьярская медовуха, есть аглицкий эль, гишпанская текилка, хрянцузский шампусик, скотский вискарик...

– Не, – скривился Леший, – баловство это! Я из мухоморов намну – ещё хлеще будет!

– Табак? – не унимался Василий, – чёрный, серый, коричневый? Курительный? Нюхательный? Для травли тараканов?

– Не, не надобно.

– Ладно, – сдался Василий, – чего же тебе надо, ирод бородатый?

Леший с сомнением поскрёб длинную бороду, поймал жирную вшу и с хрустом раздавил грязными ногтями:

– Мне бы воды... живой.

– Чего? – опешил Василий, – живой воды?!

– Ага, – кивнул лесовик, – именно живой. Мёртвая мне без надобности.

– Во, хватил! – рассмеялся кот, – да это же сказка! Воду ему живую подавай, придумал тоже! Её почитай лет двести никто не видел! Кончилась она, потому как все кому не лень её бочками таскали.

– Говорят, есть, – вздохнул Леший, – мне брат из вашего леса сказывал.

– В лесах Берендея точно нет, – отрицательно замотал головой Василий, – давай, другое проси!

– Другого не хочу! – упёрся Леший.

– Ну, сам подумай! Где мы возьмём то, чего нет?! Да и зачем она тебе сдалась?
– Жениться хочу! – неожиданно выдал Леший, – дочку водяного посватать!
– Дык... – растерялся кот, – а вода живая зачем? Или водяному своей мало?
– Фигуристая девка, – мечтательно закатил глаза бородач, – пройти мимо невозможно, такая краля. Бедра белые, как береза, и тугие, как тисовый лук, волосы мягкие, как пух куропатки, и длинные, как озёрная осока...

– Стоп, стоп, – остановил Василий поток красноречия, – я не понял, проблема в чём? Раз такая красавица – женись!

Леший скорчил обиженную рожу:

– В том-то и дело, что не красавица! Со спины – королева писаная, а повернётся – кикимора плоскомордая!

– Ну, – развел кот лапы в стороны, – красота, она преходяща, это я тебе как учёный говорю. Лишь бы хозяйка справная была. Одного не понял: живая вода при чём?

– Говорят, если умыть ей лицо, – заговорщически зашептал Леший, – любой урод в красавца превратится...

– Враки! – рассмеялся кот, – да и нет давно этой воды. Правду я говорю, ворон?

Смолян, до этого выразительно молчавший, неожиданно каркнул:

– Достать живую воду можно, но где гарантия, что эта бородастая нечисть нас опять не обманет?

– Клянусь, не обману! – ударил себя в грудь Леший, – не только Ивана, но ещё вам дюжину кикимор подарю и русалок десяток наловлю!

– Нам такое не надобно! – зыркнул глазом ворон. – Не обманешь, если дашь клятву у священного дуба!

* * *

– Откуда про священный дуб узнал? – спросил Василий, когда они со Смоляном отошли от избушки, – ну, что Леший не сможет от своих слов отказаться?

– Я же почтальон – знаю. Этот дуб с начала времён стоит, все поколения леших пережил. Если кто его именем поклянётся, а клятву нарушит – и дня не проживёт.

– А на живую воду зачем подписался? Она что, и правда есть?

– Есть. Мне еще дед про неё сказывал. А он не зря Вещим звался. Текут у заветного камня два ручья: один с живой, а другой с мёртвой водой.

– И ты знаешь, где этот камень?

– Знаю! – угрюмо каркнул ворон. – Найти его дело нехитрое, сейчас в портал нырнем и через час около того камня будем. Вот только воду взять сложно. Охраняет заветные родники чудище дивное – слуга морского царя.

– И каков из себя тот грозный охранник?

– Этого никто не знает, потому как никто от него живым не возвращался.

– Обнадёживающие перспективы, – свистнул кот. – У меня только один вопрос остался: нафига ты этому чёрту лесному брякнул, что живую воду добыть можно? Выпендриться захотелось?! Поумничать?! Эрудицией блеснуть?! И что нам теперь делать? Как эту воду достать?

– Ша, лохматый! Не кипишуй. Сам же видел, что он упёрся как осёл, и окромя воды ему ничерта не нужно.

– Да видел, – согласился Василий и уже миролюбиво проворчал: – делать неча, веди к своему portalу, Смолян.

* * *

Кот с вороном издали заприметили заветный камень, омываемый двумя ручьями, но приближаться к нему не торопились. Находился камень на живописной зелёной лужайке, и подкрасться к ручьям незамеченными не было ни малейшей возможности. На камне том восседало странное существо. Не точтобы грозное или страшное, а скорее даже наоборот – смешное

и нелепое, похожее на карлика. Уродец имел широкий рыбий хвост вместо ног, блёклые белёсые глаза и физиономию, похожую на рыбу морду.

Осмотрев дивного стража, Смолян насмешливо каркнул:

– Вот так чудище. Да мы с тобой этого хлюпика одной левой нейтрализуем, он и пикнуть не успеет.

– Не думаю, – охладил его прыть Василий.

– Это еще почему?

– Да потому, что это самый настоящий лоскотун – внебрачный сын русалки и человека.

– И что?

– Да то, что в виде компенсации за свою безноготь этот мутант получил трёхметровые руки, цепкие и гибкие, как щупальца осьминога. Он с лёгкостью дотянется ими до любого, кто приблизится к роднику, защекочет и в ручей с мёртвой водицей окунет.

– А ты откуда знаешь?

– Мне русалка из Лукоморья про него рассказывала, которая на ветвях дуба сидит и туристов зазывает. Я-то думал – враньё, а оказывается, сушая правда.

– И что будем делать?

– Да есть у меня одна мысль, стоит попробовать.

Кот пошептал что-то ворону. Тот с недоумением вытаращился на Ваську:

– А шапки-невидимки на такой случай у тебя нет?

– Да есть, но её моль сильно побила. Она теперь в самый ответственный момент носителя видимым делает.

– Всё у тебя, лохматый, не ку-ку, – недовольно буркнул ворон и взмыл в небо.

Поднявшись на приличное расстояние, Смолян полетел к камню.

То ли лоскотун задремал, то ли потерял бдительность, а то ли попросту не рассчитывал на подобное вероломство и такую открытую наглость...

Мешок, сброшенный Смоляном, опустился точно на тщедушное тельце, накрыв стража от макушки до кончика хвоста. Ворон, подобно пикирующему бомбардировщику, тут же камнем ринулся вниз – вслед за сброшенной упаковкой. Подлетев к ослеплённому лоскотуну, он долбанул мощным клювом того в темя. Страж хрюкнул и распластался под мешком без признаков жизни.

Василий молниеносно преодолел стометровку и сунул заранее приготовленную сухую палку вначале в один родник, а затем в другой. Палка сразу обуглилась, а затем зазеленела и даже расцвела.

Набрав две фляги живой воды, кот быстро отбежал на безопасное расстояние от камня, косясь на неподвижный мешок. Хотя вероятность того, что лоскотун быстро очухается и была мизерной, но мало ли...

– Удачно получилось! – рассмеялся Василий.

– Ага! – согласился Смолян, подлетая к нему.

Довольные собой и результатами проведенной операции, кот с вороном пошли прочь. И в этот момент за спиной у них раздался скрипучий голос:

– Далёко направились?

Оказывается, лоскотун мало того, что очухался, так ещё и успел выбраться из мешка и теперь поглядывал на них маленькими злыми глазками.

Расстояние было приличным, и кот смело откликнулся:

– Домой, однако! А тебе за живую воду спасибо!

– А вам родители не говорили, что воровать нехорошо? – прищурился карлик.

– Так ты бы нипочём не дал! – каркнул ворон, – какой же смысл просить?

– Ах вот как, – вздохнул хранитель вод, – ну, тогда пеняйте на себя.

Его руки вдруг мгновенно вытянулись и крепко сцапали друзей сильными тонкими пальцами. Затем карлик подтянул к себе воришек и принялся внимательно разглядывать:

– Так-с, кот и птичка. Птичку первой съем, вымочу в мёртвой воде, чтобы хорошо размякла, потом супчик забацаю. Кот тоже хорош, пушистый, мягкий. Я из его шкуры шапку сделаю, а то зимой уши мёрзнут.

– Ты же говорил, что у него руки только на три метра вытягиваются, – посетовал ворон.

– Это русалка говорила, – мяукнул Василий, – выходит, ошиблась...

– Цыц, воруи! – прикрикнул на них низкорослый уродец, – разговорились, понимаешь!

– Прости нас, уважаемый мутант, – жалобным голосом заговорил Василий, – не по собственной воле, а токмо по велению Лешего из царства Злобомира, осмелились мы взять у тебя немного живой воды.

– Какой ещё мутант? Что за слово такое? Меня зовут Горюн-лоскотун! А Лешего этого знаю – мерзкий нечестивец, даже не моется никогда. Стыдно такому хозяину служить.

– Так мы и не служим, уважаемый Горюн-лоскотун. Мы ради друга старались.

– Какого ещё друга?

– Мы расскажем всё как есть, только прошу, сторож дивных вод, не сжимай так крепко пальцы – рёбра вот-вот лопнут.

– Рассказывайте! – потребовал карлик.

И пленники рассказали всё, как есть: про то, как с Василием приключилась хворь, как царь Берендей отправил Ивана за молодильными яблоками, как Ванька их добыл, а потом угодил в плен к Лешему, как друзья отправились его выручать, как Леший и их обманул и как они оказались здесь.

В процессе рассказа лоскотун то хохотал, то хмурился. Когда же история подошла к концу, он удивлённо покачал головой:

– Оказывается, ты знаменитый кот ученый. Наслышан. Даже жаль тебя убивать. Но с другой стороны, спросят: куда кот ученый подевался? А я скажу: я его сожрал, а из шерсти шапку сшил! Здорово?! Вот мне все позавидуют!

– Не позавидуют тебе! – гневно каркнул Смолян, – а проклинать будут! Сказок всё меньше и меньше становится. Скоро совсем не останется. А Василий – легенда Лукоморья. Скажут люди: где тот гад, что учёного кота извёл?! Придут и забьют тебя палками! Хвост отрубят, а требуху свиньям отдадут!

– Напугал! – расхохотался карлик, – я же не виноват, что Василия на воровстве поймал! А раз поймал – делать нечего! Тут, как говорят, невзирая на лица. Хотя, какое у кота лицо? Так, морда.

– А если мы откупимся? – мяукнул кот.

– А что у вас есть? – заинтересовался лоскотун.

– Молодильные яблоки! – каркнул Смолян.

Лоскотун скривился:

– Ерунда. Моя живая вода хлеще. Если её по чуть-чуть пить, то и молодость и память вернётся...

– Слышал, Вась? – каркнул ворон, – память вернётся! Может, тебе не молодильные яблоки, а живая вода нужна?

– Верно птица говорит, – поддакнул лоскотун, – пара глотков, и мозг работает, как у молодого. Только к чему? Всё равно – умирать.

– Значит, убьёшь? – вздохнул кот.

– Убью! – стукнул хвостом по камню страж, – а куда деваться? Это же развлечение какое! Я почитаю лет сто никого не убивал – так и со скуки подохнешь!

– А если мы твою скуку развеем – отпустишь? – спросил кот.

– Ну, попробуйте, а там поглядим, – неопределённо ответил мутант.

* * *

После третьего Васькиного анекдота лоскотун принялся громко хохотать, выпустил пленников из своих цепких ручонок и схватился за живот, видимо опасаясь, что тот лопнет от смеха.

Воспользовавшись внезапно наступившей свободой, Смолян не раздумывая подлетел к потерявшему над собой контроль и рыдающему от хохота Горюну и ловко повторил удачный тук в голову. Затем, ухватив обалдевшего Василия когтями за шкуру, стремглав понёсся к portalу.

– Ты что творишь?! – заорал кот.

– Жизнь тебе спасаю, и себе заодно.

– Так мы же вроде с ним договорились.

– Ключевое слово здесь «вроде». С Лешим ты тоже вроде договорился, помнишь, чем там дело закончилось? Как по мне, так с этими уродами лучше не рисковать.

Только после того, как Смолян втащил Василия в портал, он разжал когти, и кот шлёпнулся на землю.

– Думаю, что теперь он не дотянется до нас своими шаловливыми ручонками, но лучше побыстрее смыться как можно дальше, – сказал ворон и полетел вглубь портала.

Васька, потирая ушибленный бок, молча побрёл вслед за ним.

* * *

– А она точно живая? – с недоверием вертел в руках фляжку Леший, приюхиваясь к воде.

– Мы, в отличие от некоторых, своё слово держим, – буркнул Васька.

– Да говорить-то у нас умеют все, а вот отвечать за свои слова – не каждый, – ехидничал Леший.

– Весьма самокритичное замечание, – буркнул Смолян. – Ивана освобождай, умник.

– Это успеется. Вы вначале докажите, что это живая вода.

– Достал ты уже! – психанул Смолян и вонзил клюв Лешему в ногу.

Тот дико завизжал, но Василий не растерялся. Он выхватил у потерпевшего из рук флягу и окропил пробитую ногу водой. Буквально на глазах рана затянулась, вроде её и не было вовсе.

– Убедился? Веди Ивана! – рявкнул кот. – Не испытывай наше терпение, а то я могу и мёртвой водицы тебе в харю плеснуть.

– Да уговоритесь вы, пошутил я, – струхнул Леший и быстрой походкой двинулся к сараю, бубня под нос: – Что за манеры? А еще учёный...

– А откуда у тебя мёртвая вода, кот? – спросил Смолян. – Ты же вроде только живую набирал.

– Так у меня её и нет, но этот-то не знает. Не все же ему нас дурить. Это ему ответка за загадки.

* * *

Кот Василий дремал на солнышке, растянувшись на золотой цепи.

– Вот лежебока, – каркнул Смолян, подлетев и усевшись рядом, – нетчтобы народ веселой сказкой или задорной песней потешить, так он дрыхнет. Память тебе волшебные яблоки вернули, а юношеский задор – забыли.

– Пускай отдыхает – заслужил, – подмигнул ворону Иван.

Василий лениво открыл один глаз и мяукнул:

– Чего пожаловали? Снова за помощью? Что на этот раз случилось?

– Да вот, Смолян домой собрался, заглянул с тобой попрощаться, – доложил Иван.

Кот потянулся, выгнул спину дугой, затем сел на цепь и сказал:

– Тогда счастливого пути тебе, братка. Заглядывай в гости, не забывай. – А потом обратился к Ивану. – Ты бы, Ваня, того... Ульяне хоть букетик цветов передал бы, что ли. Она же тебя от смерти спасла, яблоч молодых отсыпала. Всё одно Смолян в те края направляется.

– Ага, отсыпала, а потом Лешему сдала как стеклотару, – обиженно буркнул Иван. – Он мне всё рассказал. Иш ты, чего удумала, дуреха, чтобы я, видите ли, повзрослел в заточении и стал пригодным для семейной жизни...

– Не факт, что так оно и было, – каркнул ворон, хотя версия выглядела вполне правдоподобной, – Леший и соврёт – недорого возьмёт. Нечисть, она, брат, такая.

– И зачем это ему?

– Да чтобы людей рассорить. Возможно, тут просто нелепое стечение обстоятельств – подвернулся ты ему в лесу, он тебя и пленил, а на Ульяну свалил, что, дескать, по её наводке действовал.

Василий одобрительно кивнул головой:

– Да ты и сам, брат, накосячил изрядно. Девушки – они ушами любят, а ты ей такое письмо грубое накатал... Могла и осерчать. Но даже если и так, то не стоит на неё обиду таить, любой может оступиться. Тут самое правильное – простить. Я бы на твоём месте всё же передал цветы – как знак примирения.

– Да что это за подарок – цветы? Ну, постоят пару дней, а дальше в мусор. Другое дело свиная голова. Это и суп, и холодец, и просто красиво...

Кот с вороном недоуменно переглянулись.

– Не, ну у меня для неё такого дорогого и красивого подарка нет, – рассмеялся Иван. – Убедили, пусть будут цветы! У бабки Матрёны как раз тюльпаны расцвели, погоду, Смолян, я мигом.

Как только Иван умчался, Василий хлопнул себя лапой по лбу и полез в дупло. Выглянув, он протянул ворону флягу со словами:

– Видать не совсем ещё недуг отпустил, чуть не забыл.

– Это что?

– Как что? Живая вода.

– Да нет, Василий, тебе она нужнее, мне и того яблока, что Ванька дал, вполне хватит.

– Бери-бери, у меня ещё фляга имеется.

– Погодь, ты же вроде всего две фляги живой воды набрал?

– Правильно – две. Одна мне, одна – тебе.

– А что же ты Лешему дал, опосля того, как он Ваньку освободил?

Василий хитро прищурился:

– Да была там у меня в котомке ещё одна такая же фляга с настойкой для мужской силы и озорства. Я так подумал – раз он жениться собрался, ему нужнее...

– Тогда, выходит, у тебя с Лешим счет: два – один, в твою пользу.

– Вроде того, – усмехнулся Василий, – согласишься, Смолян, что как-то это неправильно.

– Что именно, Вася?

– Что каждый лесной босьяк станет авторитет учёного подрывать и над ним глумиться, полагая, что это безнаказанно сойдет с рук. Нельзя подобное спускать. Нет, нельзя...

Портал

«Лукоморье» происходит от словосочетания «лука моря» и означает «изгиб морского берега».

Лукоморье – заповедное место на окраине вселенной, где стоит мировое древо – ось мира.

Жизнь в Лукоморье текла по привычному сценарию. Плоха она была, хороша ли, вопрос спорный. Но поскольку жители сказочного заповедного места другой не знали, то их вполне устраивала и собственная. К тому же, как говаривал когда-то Эйнштейн, все в мире относительно. Время в Лукоморье тоже было категорией относительной. Если в других мирах проходили годы, то в сказочной стране за это время всего лишь часы.

Силы зла творили свои пакостные делишки, чем норовили испортить настроение окружающим и злобствовали что есть мочи. Богатыри, как им и полагалось по статусу, в рабочее время самоотверженно боролись с нечистью, а в свободные от ратных дел минуты досуга любили посидеть и поболтать о всякой ерунде, тоже ведь люди. Как правило, занимались они этим делом на свежем воздухе – под легендарным, разлапистым дубом.

Какой-то предприимчивый купчина, обратив внимание, что место бойкое, открыл на побережье трактир «У дуба», назвав его импортным словом «таверна». Злые языки поговаривали, что, на самом деле, заведение принадлежит иностранному инвестору Симбаду-мореходу, решившему таким образом приблизить Лукоморье к цивилизованным заморским королевствам и европейским ценностям. Сам Симбад на сей счет отмалчивался и своего участия в деле открытия пресловутой двери в Европу не подтверждал, но и не опровергал. Да и появлялся он в Лукоморье, следует заметить, крайне редко, а все больше бороздил просторы морей и океанов.

Заведение же пришлось народу по душе и стало пользоваться популярностью, как у местных жителей, так и у заезжих принцев с королями. Тридцать здоровых мужиков «в чешуе, как жар горя», естественно не умещались в трактире все одновременно. Потому, если уж наведывались туда гурьбой, то располагались на природе – в тенечке под дубом. А для иностранных гостей посещение таверны «У дуба» стало традицией, поскольку заходили они туда в обязательном порядке, дабы утопить в вине или медовухе свое горе.

По части горя земля русская была щедра и хлебосольна. Дуб рос аккуратно на границе тридевятого и тридесятого царств, которыми правили цари Пахом и Берендей. А их дочери жутко капризные дамочки были, да очень переборчивы до женихов. И все никак они себе пару выбрать не могли. Вот от заморских гостей отбоя и не было.

Несмотря на то, что в родных краях иноземцев и улицы, мощенные камнем, не чета нашим были, да и архитектура намного краше, всех почему-то тянуло в лапотное Лукоморье. Каждый надеялся найти в дальнем краю свое счастье, красавицу жену и заполучить полцарства в придачу. Но вместо ожидаемого счастья и планируемого благополучия, как правило, получал отказ и закономерный стресс, который мчался поскорее снять в заведение «У дуба».

Таверна располагалась рядом с легендарным деревом, опоясанным золотой цепью. Раздобревшие интуристы, чьи утонченные желудки были не привычны к местным напиткам и закускам, очень скоро оказывались на свежем воздухе и прохлаждались в тени дуба, изливая душу ученому коту Василию и, сидящей на ветвях, русалке Алисе.

Таким образом, жизнь в Лукоморье шла спокойно и размеренно, без катаклизмов и потрясений. Ну не без того, конечно, что какие-то мелкие разногласия изредка возникали. Случалось, что богатыри забредут от скуки в лес и давай там нечисть лохматить, что той аж места мало. То вдруг у Змея-Горыныча весеннее обострение мании величия начнется. Самых

красивых девок ему подавай, орет не своим голосом. Народ, правда, к этому уже привык, а царь Берендей еще и эффективное средство профилактического лечения нашел. Как только ор в округе поднимался, так он тут же к Горынычу, вместо девок, несколько опытных мозгоправов отправлял. Призовет десяток богатырей царю-батюшке (ему, стало быть) и Отечеству верой и правдой послужить, да себя делами ратными прославить. А те уж рады стараться. Придут к логову и, как водится, со всей пролетарской ненавистью, пару самых похотливых голов Змею-то и отсекут. Все одно они потом отрастут. Горыныч-то у нас кто? Рептилия. Вот у него головы и регенерировали, как у ящерицы хвост. А с одной головой-то уже особо не побузишь, поскольку огневая мощь не та, ну и, понятное дело, как-то уже не до девок сразу становится. В общем, утрясали локальные проблемы малой кровью.

* * *

Это все присказка была, а теперь сказка начинается.

Пожаловал как-то к Берендею очередной принц из самой Ангоры с дружественным визитом – к его красавице дочке Василисе свататься. Капризная принцесса дала принцу от ворот поворот. Тот конечно огорчился дюже, а как иначе. Посетил он традиционно трактир «У дуба», да и укатил в свою Ангору в расстроенных чувствах. Казалось бы что такого: ни он первый, ни он последний. Но дело в том, что была у принца того белошерстая кошка Беатрис, приглянувшаяся ученому коту Василию. Несостоявшийся зять Берендея, разумеется, увез кошку с собой, оставив Васю наедине с несбывшимися мечтами и разбитым сердцем.

Эх, любоф-ф-ф. На какие только безумства она нас толкает. И на что только не пойдешь ради нее окаянной. Вот Василий и решил взять дело в свои лапы и отправиться на поиски Беатрис.

Отъезд принца произошел так внезапно, что кот даже не успел спросить, где эта Ангора находится: в Турции, али в Миннесоте? Решил он начать с Турции. Да только где же ту Турцию сыскать?

Вот Василий и отправился в гости к Бабе Яге, дабы путеводный клубок у нее одолжить, но промашку допустил. Дернул его черт заручиться поддержкой Ивана-дурака. Васька-то как рассуждал: «Все равно ведь бездельничает охламон, а вдвоем и дорога вдвое короче, и глядишь, на что сгодиться. Охрану там, к примеру, отвлечь или дверь во дворец открыть, если Василий сам до ручки не дотянется, али еще на что».

Но все пошло наперекосяк. Тут-то кот и оценил всю глубину народной мудрости, которая гласит: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти».

Не успели они от Лукоморья на сто шагов отойти, как дурень в портал угодил. Портал тот оказался проходом (вроде двери) из сказочного мира Лукоморья, в мир реальный. Но обо всем по порядку.

Уперлись они, значит, с Иваном в камень указательный. И нет, чтоб мимо пройти, так Ванька к коту пристал – прочти, мол, да прочти, что там нацарапано, поскольку сам-то он грамоте не обучен был. Кот, все, что на камне было вслух прочел. Тут-то дурень и давай доказывать, что не нужен им никакой путеводный клубок, поскольку на камне все написано и сказано, как нужно действовать: «прямо пойдешь – в другой мир попадешь». Да упрямец такой был этот Иван, что ежели чего удумал, то переубедить его – дело гиблое. Тут уж, хоть кол ему на голове теши.

И, главное дело, понял Иван слова, которые кот прочел буквально. Занес он уверенно так ногу, чтобы шагнуть напрямиком в камень, стоящий на пути. Вот никому подобное в голову не приходило, а ему пришло. Дурак он и есть дурак – что с него взять. Но дуракам, как известно, везет. Кот и мяукнуть не успел, что, мол, ногу зашибешь, дурень, как на его глазах случилось чудо чудное, диво дивное, что не в сказке сказать, ни пером описать. На что уж кот был ко всяким лукоморским чудесам привычный, и то удивился. Ванькина нога сначала по колено в камень вошла точно в воду, а дальше он и весь в камень тот погрузился

точно в воду. Что Ваське-то делать оставалось? Зажмурился кот, чтоб не так страшно было, да и прыгнул напрямик в камень – вслед за Иваном. Вывалился с другой стороны на полянку в незнакомом месте.

Глядит, а на той поляне сидит компания и шашлык жарит. Аромат душевный такой стоит, аж слюнки текут. А только люди те все, как один, какие-то неприветливые – чисто тебе басурмане. Оказалось, лукоморцы в том лесу с рэкетирами повстречались. Так там разбойный люд назывался.

Увидели те рэкетиры Ивана и ну над ним насмехаться. Дурню бы сторонкой их обойти, так нет же. Давай он с басурманами этими лясы точить. А те его еще больше на смех поднимают. Откуда, мол, ты клоун взялся, мы цирк не заказывали, и ржут точно лошади непоенные. Слово за слово, осерчал Иван, что над ним насмеваются и давай, значит, перед незнакомцами теми бахвалиться, что и он, дескать, не лыком шит. И рассказал им про Лукоморье. Все как есть рассказал – ничего не утаил. И про золотую цепь на дубе, и о Кашеевых сундуках со золотом-серебром, и про Берендеево и Пахомово царство. Заинтриговал, короче, аудиторию. А потом показал разбойникам вход в портал, и предложил тем самым проверить врет он али нет. Ну, что с дурака взять?

Вот если бы попал он в этот мир лет эдак на двадцать пять раньше, так за такие речи заперли бы дурня в психушку пожизненно, да и дело с концом. Или ежели бы, к примеру, те бандиты прибили его, то в Лукоморье бы недельку-другую погоревали, что сгинул дурень, да и жили бы себе дальше. Однако все иначе случилось – пришла беда откуда не ждали.

Рэкетиры те, как через портал в Лукоморье просочились, так первым делом цепь с дуба сперли, ворюги. А дальше пошло-поехало: Берендею с Пахомом свою защиту предложили – это у них «крышей» называлось, и тут же данью за свои охранные услуги обложили. Да такой, что монголо-татарам не снилось. С купцом-миroeдом – хозяином таверны «У дуба» провели воспитательно-разъяснительную работу. По ходу беседы сделали ему несколько физических замечаний, чтобы проникся и растолковали, что нечего народ палёнкой травить, а впредь следует качественную продукцию покупать и непременно у них. Цену купцу тут же назначили и оброком, само собой, обложили.

Воевода с богатырями тоже не у дел оказались, поскольку новые «защитники», все как один, вооружены были. Оно и неудивительно – разбойники ведь. Мало того, что у каждого по пистолету имелось, так один с собой еще и «МУХУ» прихватил на всякий случай. И случай сразу же подвернулся.

Он из своего гранатомета по Змею-Горынычу, который мимо пролетал, тут же и шмальнул, чтобы страху нагнать. Горыныч, правда, изловчился и увернулся, поскольку привычный был от богатырских мечей уворачиваться. Но хвост ему все же зацепило и пришлось рептилии резко спикировать, а хвост свой спешно отбросить. Повезло, что не копыта. Понятно, что после этого никто на пули с мечами лезть не отважился. Пришлось царькам местным согласиться на платные услуги этих заср..., «защитников».

Те тут же нотариуса какого-то притащили, договор чин по чину сложили и сразу же по полцарства у работодателей своих оттяпали – в виде каких-то там платежных гарантий. Тертые оказались ребята, по закону норовили грабить. Попутно у Бабы Яги отобрали ее избушку на курьих ножках, себе под сауну. Удобно же, когда баня сама к морю топают по твоему хотению. Но тут они пожадничали. Старушка осерчала, что ее из домовладения незаконно выселили и к братцу Кашею за защитой подалась. А добры молодцы следом за ней в Кашеево царство – раскулачивать Бессмертного. Но не тут-то было – не на того наварались.

Народ лукоморский даже был обрадован такому обороту. Понадеялись, что сейчас эти бандиты по мордам-то и схлопочут, но... Не суждено было этим чаяниям сбыться. Ворон ворону глаз не выклюет. Хотя, начало было многообещающим...

Выпустив в Кашея десятка два патронов, братки смекнули, что Бессмертного не так-то просто одолеть. Поскольку вариант «биться» результатов не принес, пришлось переходить к плану «Б» – «мириться». Тогда они предложили Кашею вложить его капиталы в прибыльное дело, пообещав заоблачные барыши. А еще пообещали вернуть халупу на курьих лапах сестрестарушенции. Видать, надеялись опосля Бессмертного извести. А тот прикинул, что нечего от этой сделки не теряет и согласился, решив, что если компаньены рассчитывают на скорую кончину нового партнера, то очень даже зря, поскольку он их всех переживет. А если понадобится, то из-под земли достанет, душу вытрясет и снова в землю положит.

Подобного безобразия в Лукоморье никогда раньше не было. А тут еще услышал кот Василий случайно, как один из пришлых «гоблинов» предлагал своим друзьям Ваську изловить, засадить в клетку и продать в цирк, как экзотическое говорящее животное. Кот, конечно, и сам зрелища уважал, и даже был сторонником лозунга «Искусство – народу». Вот только предпочитал путешествовать по доброй воле, чтоб свобода выбора, так сказать, присутствовала. Как представил он, что впереди неволя и рабство на чужбине ожидают, так и понял, что пора из этого нового Лукоморья сваливать, пока злодеи не воплотили свои планы в жизнь. Ведь, как поется в песне «раз уж это присказка, то значит дело дрянь».

Пришлось Ваське изменить планы сообразно сложившимся обстоятельствам и срочно податься в бега, отложив поход в Ангору и поиски Беатрис. Собрал он вещички в котомку и под покровом ночи укрылся в самом безопасном месте.

Поскольку кот был ученый, то решил он действовать непредсказуемо и спрятаться там, где никому и в голову не придет его искать. Короче нырнул в портал и оказался в реальном мире. Несколько дней по лесу бродил: осматривался, что к чему. Смастерил себе рогатку и охотился там на уток и голубей, а потом на костре добычу жарил.

Попозже к людям прибился. С ними как-то спокойнее и безопаснее. Опять же, кормят, поят. Придуриваться конечно приходилось будто ему нравится, когда его гладят или тискают. Но зато в тепле и не голодный. Правда, обнаружился один побочный эффект. Оказалось, что в реальном мире Василий только после полуночи может разговаривать, а до этого времени лишь мяукает как самый обычный кот.

Стал он тогда хозяйскому сынишке, когда тот спал, по ночам сказки сказывать, чтобы квалификацию не терять. Про Лукоморье рассказал, про красавицу Беатрис, про то, как Иван злодеев в Лукоморье привел и что они там творили. И заметил Василий, что рыбка, которая в аквариуме живет, замрет бывало за стеклянной перегородкой и тоже его сказки слушает. Подкрался он как-то ночью к аквариуму неслышными шагами, а Золотая Рыбка то ли от неожиданности, а то ли испуга как метнется от него в сторону. Высунулась из воды, и давай орать: «Караул! Спасите-помогите!»

– Чего кричишь, дура? Ребятенка разбудишь. Не ем я сырую рыбу.

– А что тогда пугаешь, ирод?

– Да и в мыслях не было. Просто заметил, как ты внимательно слушаешь, вот и хотел спросить, неужто человеческую речь понимаешь? А ты оказывается и сама говорящая. Как в аквариум-то угодила?

– Ну, теперь-то понимаю, что стараниями вашего дурня.

– Не понял? – выпучил зеленые глаза Василий.

– Объявились как-то на берегу моря рыбаки с удочками. Мы так и не поняли, откуда те взялись, но теперь-то все ясно. Сроду там никто на удочку не ловил. Только старик невод свой забрасывал, да и то без особых успехов, пока я его не пожалела. Эти же давай свои удочки в море закидывать. Мы поначалу только посмеялись, пока нас трести не начало. Дальше в глазах все помутилось, и я сознание потеряла. Очнулась уже на берегу. Меня один из этих рыбаков-браконьеров приметил и в банку засадил. А потом сынишке своему подарил. Паренек ока-

зался предприимчивый – весь в папашу. Взял, да и продал меня в зоомагазин, а там уже меня родители мальчишки и выкупили.

– Это вас на электроудочки ловили, – пояснил Василий. – Хотя «ловили» не совсем верное слово. В электрошок погружали.

А потом стеснительно поинтересовался:

– Так ты того?

– Чего того?

– Ну, желания исполнять умеешь? – спросил кот.

– Могу, конечно, – хвастливо ответила Рыбка.

– А чего людям не призналась? Могла бы выменять свободу на желание?

– Попробовала было, когда от электрошока отошла. Говорю этому рыбаку, что, дескать, с тебя три желания. А он – debil великовозрастный почесал затылок и отвечает мне: «Фиг с тобой. Три, так три. Заказывай, раз говорить умеешь». Куда катится этот мир? Я, как такое услышала, так от стресса дар речи потеряла. Только вот сегодня, когда ты на стол прыгнул, видать от испуга снова заговорила.

– Подобное лечится подобным, – подытожил Василий и стеснительно спросил. – А мое желание сможешь выполнить?

– Не вопрос, лохматый. Ты же мне вроде как помог. Загадывай, хоть три.

* * *

Утром по городу поползли слухи, что неуязвимого бизнесмена Кашеева – местного олигарха, на которого было предпринято рекордное число покушений, так и не увенчавшихся успехом, ночью похитили неизвестные.

А в это время в Лукоморье на ветке векового дуба, опоясанного золотой цепью, нежась в лучах мартовского солнца, лежал ученый кот Василий. Русалка Алиса, сидящая рядом, уже рассказала ему, что после побега кота из Лукоморья, ей тоже пришлось несладко, и она даже ушла в подполье, а вернее – под воду. Там – в море-океане и пряталась несколько дней от царевых охранников, которые ежедневно приставали с непристойными предложениями. Время-то в Лукоморье текло по своим законам, и Василий отсутствовал здесь, как оказалось, всего несколько дней.

Кот рассказывал русалке какую-то историю: «...а Кеша этот и спрашивает:

– А вы не были на Таити?

А кот ему в ответ:

– Таити, Таити. Не были мы ни на каком Таити. Нас и здесь хорошо кормят».

Алиса, дослушав историю, заразительно рассмеялась, и ее смех звонким эхом разнесся по Лукоморью.

Пахом с Берендеем, избавившись от своих «крыш», облегченно вздохнули и принялись обдумывать, как им «приватизировать» Лукоморье. Царь Кашей, подсчитывающий в это время свои убытки, брезгливо морщился и, тихо матерясь, поминал компаньонов.

Из землянки в лесу выбрался на белый свет Соловей-разбойник, предвкушая, что наступающий день наконец-то станет для него удачным. К таверне «У дуба» потянулся народ. Жизнь в Лукоморье входила в привычную, накатанную колею.

В морских глубинах, Золотая Рыбка почивала на троне с чувством выполненного долга. Третье желание ученого кота, она выполнила с особым удовольствием и портал в сказочный мир запечатала навсегда.

Под дубом – на поляне сидела белошерстая красавица ангора с голубыми глазами по имени Беатрис и терпеливо ждала своего Ваську с работы.

Пошлина

Ежегодный слет под девизом «Как обустроить Лукоморье» проходил непосредственно под дубом. Тем самым легендарным деревом, опоясанным золотой цепью, по которой ходил учёный кот Василий – бард и балагур, каких мир не видывал.

Дуб рос аккурат на меже тридевятого и тридесятого царств. А царствами теми правили монархи Берендей и Пахом. И постоянно они промеж собой спорили у кого больше прав на заповедное место – Лукоморье. Очень уж им обоим хотелось похвастаться перед заморскими гостями Лукоморьем, как своей суверенной и неделимой собственностью. До открытых конфликтов дело у них не доходило, но каждый стремился доказать соседу, что он достойнее другого. Аж до зубной боли хотелось царям предстать в глазах зарубежных коллег не какими-то там живущими по соседству, а именно владельцами легендарного дуба обвитого золотой цепью с ученым котом и русалкой Алисой в комплекте.

К тому же Василий, с недавних пор, стал не только сказки туристам рассказывать, но еще и анекдоты травить. То ли из какой диковинной книги он их вычитал, а то ли сам сочинял, про то не ведомо. Истории кота гостей, знамо дело, потешали и те регулярно поощряли рассказчика разными заморскими дарами, яствами и напитками. Царей это, ясен пень, бесило. Потому, как ничто так не огорчает, как радость ближнего. А ежили этот ближний еще и кот, пусть даже и ученый, то, естественно, вдвойне. Ибо, всем хорошо известно, что самое злобное существо на земле – это жаба, про которую кот Василий как-то сказал:

Цари хоть жадные да хитрые были, но не дураки. И ума сообразить, в чей огород брошен сей камень рифмоплетства им хватило, за что еще больше «возлюбили» ученого кота. А только никакой управы на лохматого Васюку у них не было. Вот ежели бы сумели они присвоить себе Лукоморье, то тогда непременно припомнили бы сказочнику его шуточки.

И вот собрались жители вольного независимого заповедного места и близлежащих окрестностей, позабыв про свои распри и ссоры, чтоб совет держать, дабы выработать единую линию по части обустройства Лукоморья.

Много народу разного сказочного пришло на поляну под дуб: и Серый Волк, и тридцать богатырей со своим предводителем, и Лягушка-царевна прискакала. Кого там только не было. Одних Иванов-царевичей почитай человек пять собралось. Ну, как Иванов? Одного Гвидоном звали, другого – Елисеем, третьего – Русланом, но и два Ивана-дурака пожаловали, как без них-то. Все из разных сказок и королевств прибыли, кто конным, кто пешими. Гвидон, так тот вообще прилетел, обратившись в комара, как в былые времена бесшабашной молодости. Все красавцы писанные, видные, статные, просто глаз не отвести. Русалка Алиса и кот Василий – само собой присоединились к совету, можно сказать, без отрыва от производства и рабочего места. Но нашлись и такие, кто демонстративно проигнорировал собрание. Кощей, Леший, Соловей-разбойник, Змей-Горыныч и Баба Яга к дубу идти даже не помышляли. Оно и понятно. Им вообще было фиолетово, в чьих владениях беспредельничать, поскольку у них своя группировка сложилась с собственными негласными порядками, грабительскими принципами и наклонностями к канныбализму.

Первым выступил царь Пахом. Царь предлагал перевести беззаботную сказочную жизнь в заповеднике на коммерческие рельсы, а именно: учредить для туристов-экстремалов развлечение под названием «тур по нехоженным местам». В тур предлагалось включить посещение избушки на курьих ножках, торги с Бабой Ягой за путеводный клубок, преодоление болота с шестом в сопровождении Лешего, экскурсия по замку Кощея Бессмертного и для шибко отчаянных – встреча со Змеем Горынычем. Стоимость тура клиент должен был оплатить до его начала – мало ли чем дело закончится. Еще Пахом предложил ввести к стоимости тура дополнительные расценки на развлечения: «стрельнуть в Кашея из лука», «рубануть Горыныча

по шее мечом», «дать Соловью-разбойнику по зубам». Только с Кощеём, Горынычем и Соловьём следовало предварительно согласовать процент компенсации за неудобства. Разумеется, среди собравшихся желающих отправиться на такое согласование не нашлось.

Бизнес-план Берендея выглядел не таким эстремальным. Он предлагал обнести дуб частоколом, поставить качели и карусели, и продавать туристам билеты по сходной цене, дабы пополнять казну (а заодно и личное благосостояние, как оно издревле повелось у монархов). «А че заморским гостям, а тем более простому люду, зазря там шастать – траву вытаптывать и на достопримечательности задарма бельмы пялить?» – резонно рассуждал самодержец.

Выслушав оба предложения, народ принялся их обсуждать. И тут же возникли промежуточные разногласия. Следует заметить, что богатыри «в чешуе, как жар горя» периодически подхалтуривали, нанимаясь то к Берендею, то к Пахому на службу, а то и одновременно к обоим, распределившись между собой. Братья на постоянное довольствие и содержать целую ораву, то бишь армию, нужды, да и финансовой возможности у царей не было, но периодически необходимость в услугах богатырей возникала. То Змея-Горыныча, то Соловья-разбойника следовало приструнить, а бывало, что и заморских гостей со свитой, шибко огорченных отказом невест, приходилось утихомиривать. Одни богатыри считали, что Пахом лучше, другие полагали, что Берендей щедрее, третьи – горой за независимость и суверенитет Лукоморья стояли. Как говорится, сколько людей – столько и мнений. Лягушке-царевне этот дележ, по большому счету, был до лампады. Все зыркала пучеглазая по сторонам, высматривая себе статного добра молодца, с которым было бы не стыдно под венец отправиться. И таки присмотрела себе одного Ивана-дурака с луком. Тот, аккурат после совета, намеревался в Английское королевство отправиться, прознав о выдающемся лучнике Робин Гуде, чтобы в мастерстве с ним потягаться. Не останавливало дурня ни то, что стрелок тот где-то в каком-то шервудском лесу от властей прятался, ни то, что жил он в Англии в незапамятные времена. Как говорится, дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так. А зеленокожая красавица времени зря не теряла. И, пока страсти на поляне бушевали, нашептала она Ивану координаты своего болота, да и подзадорила, что ежели он такой весь из себя меткий да умелый, то пушай это докажет и попадет стрелой в самую середину болота. Отключившись от темы, замечу, что дурак сумел таки это доказать. Правда, это уже совсем другая история.

Вот и получилось, что кто пришел на совет с собственным мнением, которое мнил истинной последней инстанцией и готов был его отстаивать до хрипоты и драки, а кто-то – со своими шкурными и зеленошкурными интересами. Вероятно, потому и не получилось у них конструктивного диалога. Побузили, пошумели, да на том и разошлись по своим делам, точно думские депутаты.

* * *

А надобно заметить, что со стороны тридесятого царства Пахома легендарный дуб хоть и видно было хорошо, но только с несколько неудобного ракурса. А уж наблюдать за тем, как учёный кот по цепи скачет, так это вообще сродни тому, как представление из-за кулис смотреть, где актеры к тебе тылом повернуты. Текст вроде тот же, что и присутствующие в зрительном зале слышат, однако эстетического наслаждения получить не удаётся и какой-то неприятный осадок от этого в душе накапливается. Потому-то туристы предпочитали представления учёного кота с нужной стороны наблюдать. Вот правитель тридевятого царства Берендей, воспользовавшись тем, что народ к нему в царство валом валит и издал указ в котором велел воеводе пошлину взимать за пересечение границы. Ну, чтобы с туристов иностранных побольше денег для казны стянуть за осмотр Лукоморских красот и диковинок.

И надо же такому случится, что в тот самый день отправился Иван в гости к брату своему в соседнее тридесятое царство. Свернул Ваня по пути в лес дремучий, чтобы дорогу сократить. Тут ему и пришла в голову мысль поохотится, а то как-то неудобно с пустыми-то руками

в гости являться. И только Иван об этом подумал, как мимо него заяц промчался. Здоровый такой, упитанный, ушастый – именно то, что нужно на гостинец. Не сплеховал Ваня – выхватил лук, да и подстрелил косого. Запихнул добычу за пояс и дальше пошел. И вот через час пути набрел он на избушку Бабы Яги. Яга эта давно здесь в лесу – в стороне от людей обосновалась и жила отшельницей. Выглядела она такой себе вполне благовидной старушкой, травку разную собирала, сушила её... Ну, типа индивидуальной лекарской деятельностью промышляла и потому травницей в царстве считалась. Помогала, конечно, нуждающимся, кто к ней за помощью обращался. Ага. Не безвозмездно, разумеется, но расценки у неё были терпимые. Решил Иван к этой самой целительнице заглянуть – травой разжиться лечебной. А она, значит, увидала, что Ванька зайца подстрелил, и так ей жареной зайчатки приспичило, что прямо спасу нет. А может надеялась, что в том зайце ещё какую утку найдет? Очень бы это кстати пришлось, поскольку помогло бы вызвать брата Кощея на конструктивный диалог о разделе его имущества. Он-то – ирод в замке проживал, но с родней не то, чтобы делиться жилплощадью, а даже знаться не желал. Только мне те планы Яги неведомы, потому врать не стану, что она там удумала.

Давай Яга, значит, у Ивана зайца выпрашивать, а он уперся и ни в какую.

– Я, – говорит, – брату на гостинец его подстрелил – чтобы угощения к столу приподнести, а себе из заячьей шкурки шапку справлю.

Баба как это услышала, тут же в сундук полезла, порылась там и выкладывает перед Иваном новехонькую шапку с собольей оторочкой, да ещё и посмеивается:

– Эта же и красивше и богаче заячьей будет. Меняем на твою добычу, пока я не передумала.

Ваня поартачился слегка – для порядку: откуда, мол, она у тебя, ворованная поди, с кого сняла, гопница?..

А Яга ему в ответ на это:

– Обидные слова говоришь, касатик. Это купец один заморский цельный мешок таких шапок на продажу вёз. Вот он со мной ей и рассчитался за ужин и ночлег...

– Давай только про ночлег без подробностей, – прервал её Иван.

Яга и не стала, но уговорила таки его сменить зайца на шапку. Шапка и впрямь хорошая оказалась – точно в пору пришлась. «А зайца я ещё подстрелю, – подумал Ваня, – в лесу этого добра полно». И таки подстрелил.

Идет он, значит, по лесу довольный такой, что и гостинец имеется, и шикарная шапка, песни во все горло орет. Погода хорошая – солнышко на небе светит, над головой птички щебечут, а на душе эйфория... Этому диковинному слову Ваню местный мудрец научил. Не знаю, говорит, что это, но звучит модно и красиво.

А поскольку Иван в путь отправился рано утром, то прибывал он в полном неведении о новом царском указе, который только в обед огласили, а затем в местных СМИ напечатали. Прессу Ванька отродясь не читал, предпочитая этому бесполезному занятию более динамичное проведение досуга: подраться, например, любил или пошляться где-нибудь да пропустить рюмаху-другую. К тому же, грамоте не обучен был.

И вот возвращается Иван домой через неделю, а дружинники его обратно за бесплатно и не пускают. Следует заметить, что дело на похмелье случилось. А с похмелья Иван дюже буйный бывал. Вот и впал в немотивированную агрессию. Последнее словосочетание опять же из закровов лукоморского мудреца.

– Вы с кого деньгу требуете, крохоборы?! – орёт. – Али вы меня не признали? Али я царю Берендею мало пользы принёс? Да я же заслуженный лукоморский богатырь – надёжа и опора царю-батюшке. Коли не признали по молодости да бестолковости своей, то у старших спросите.

А те знай одно твердят: «Без пошлины пущать не велено, будь ты хош принц заморский, хош сам султан импортный». Тоже, видать, образованные. Короче, не пускают они Ивана в родное царство ни в какую. Осерчал он тогда, даже в драку с дружинниками кинулся, но тех больше оказалось. Вступил, так сказать, в неравный бой, отстаивая законное право на свободу передвижения. А только выйти победителем из той схватки ему не судилось. В результате – получил Иван по шее, пострадав, как оно завсегда бывает, за справедливость, и затаил в душе обиду лютую.

И вот в тот самый день, как случился инцидент на границе упомянутых царств, с наступлением ночных сумерек произошла одна странная история, самые неприглядные последствия которой воевода воочию созерцал поутру.

Кража случилась, как все вначале подумали. Но вскоре выяснилось, что не совсем и кража. А вот, что именно произошло: у одного из дружинников пропала боевая секира, у другого – шапка, у третьего – правый сапог. И у каждого из них на физиономии красовалась под левым глазом характерная отметина, именуемая в простонародье фингалом. Пропавшие вещи, правда, вскоре нашлись. Аккурат, как только учёный кот Василий проснулся и стал выбрасывать их из дупла дуба, в котором проживал.

«Не иначе, без нечистой силы дело не обошлось», – подумал воевода, но подлая мыслишка о клептомании (проклятый мудрец и здесь иноземное слово надыбал) кота Василия коварной гадюкой всё же закралась в душу. Не помешало этому подозрению окрепнуть ни то, что кот добровольно вернул вещички, стыренные ночью, ни фингалы под глазами часовых, которые Вася уж точно оставить не смог бы, даже при всём своем огромном желании.

А вскоре после этого казуса в царскую канцелярию поступила жалоба на Василия, в которой тот обвинялся в хищении казённого имущества, причинении подданным членовредительства, учинении беспорядков и нарушении общественного спокойствия. Заканчивалась жалоба требованием немедленно пресечь изложенные в челобитной факты, выявленные неравнодушными гражданами, и принять самые строгие меры, дабы неповадно было. Во как.

Поскольку сигнал поступил, то царь Берендей, разумеется, обязан был отреагировать. Самым разумным было бы, конечно, замять эту историю, но уж больно осерчал царь, что его прогрессивные методы пополнения казны саботируются. А потому, вопреки здравому смыслу и логике, принял он незамедлительно те самые строгие меры, на которых настаивал жалобщик. И устроил Берендей показательный судебный процесс над котом Василием. Ведь согласно устоявшимся традициям, куда проще курицу, что золотые яйца несёт, на суп пустить, чем два и два сложить. А может рассчитывал царь таким макаром кота припугнуть, да за прошлые обидные слова ему отомстить? Кто их сатрапов поймет?

Процесс и впрямь получился показательным, но не образцовым. Свидетели ночного происшествия – они же пострадавшие, в своих показаниях путались и подтвердить конкретно и однозначно, что это кот наставил им фингалы и вырубил, не смогли. Скорее всего, они и вправду не ведали, кто с ними это бесчинство сотворил, а уж оклеветать невиновного и сознаться, что это безобидная животина троих здоровенных увальней ушатала, совесть не позволила. Да и кто бы в это поверил? Так что никто из них на Василия не показал. Кота тоже не на помойке нашли и не зря учёным прозвали. Он, разумеется, себя в обиду не дал и опроверг высосанные из пальца обвинения в свой адрес. Красноречиво и аргументированно объяснил, что нанесение увечий не его лап дело, потому как стиль не его: он скорее бы глаза стражникам выцарапал, чем синяки под этими самыми глазами стал ставить. А касательно похищенных вещичек, которые обнаружил в дупле и вернул, то тут и объяснять неча, поскольку они ему, во-первых, не по размеру, а во-вторых, без малейшей надобности.

У обвинения – в лице воеводы, даже после этого смутные подозрения остались – а не в стоворе ли кот со смутьяном, который стражников изувечил? Не прятал ли он в своем

дупле похищенное поделеньником, а потом испужался, что найдут, и решил избавиться от ворованного?.. Но озвучивать эти подозрения, на всякий случай, не стал, чтобы не палиться.

Только, значит, суд Василию оправдательный вердикт вынес, как ночью снова та же история приключилась. Только сапоги с шапками теперь злоумышленник не в дупле дуба припрятал, а прямо на ветвях развесил на всеобщее обозрение, а топоры в ствол дуба вогнал. Да так глубоко вогнал и с такой силищей, что еле их потом вытащили. Тут уж никто кота Василия заподозрить не мог.

Пуще прежнего осерчал царь Берендей. Воеводу к себе призвал и велел отыскать истинного виновника ночных дебошей. «Хоть сам, – говорит, – в дозор становись, а только злодея мне сыщи, отлови и приведи. Это уже не шуточки, дело приобретает политический резонанс. Это уже подрывом царского авторитета пахнет, а кое-кто так и головы лишиться может». И сурово так на воеводу глядит – то на макушку, то на шею взгляд переводит.

Закручинился воевода, и бегом к дубу, пока сам дуба не врезал. Пришёл он к Василию на поклон и давай просить помощи. Кот его выслушал и отвечает: «Хоть и злой ты человек, клязник и интриган, и вообще, у меня на тебя идиосинкразия (во завернул!), но подскажу я тебе, где ты переусердствовал со своим раболепием. Зря твои дружинники Ивана избили и домой не пустили. Дальше уже сам кумекай, что к чему».

Кумекать воеводе особо было нечем. Зря только zenки пучил да загривок чесал: «При чём здесь Иван?» Плюнул да поплелся к Бабе Яге. Та ведьма многоопытная, авось пособит в этом деле до конца разобраться.

Старушка воеводу выслушала, затем в сундуке у себя порылась, и протягивает ему какой-то сверток.

– Это что? – интересуется воевода. – Зачем?

– А это, – говорит Яга, – травка успокоительная, для нервов полезная. Ты её Берендею отдай, пушай на ночь себе в чай кладёт по чайной ложке.

– Ну-у-у... – выпучил глаза в ожидании воевода.

– Что, ну?

– А мне-то что делать?

– А ты супостата отслеживай, как царь велел, иначе не сносить тебе головы.

Так и ушёл воевода ни с чем.

Никого он так и не выследил, а потому пришлось царю выполнить свою угрозу. Тянул Берендей с этим делом до последнего, а как все дружинники до последнего получили под левый глаз по фингалу, так и... Голову воеводе, правда, рубить не стал, но хлебного места лишил и в свинопасы определил. А и то верно – там думать особо не надо.

А дабы безобразия ночные пресечь, вынужден был царь Берендей скрепя сердце отменить свой указ о пошлине. И только он его отменил, как у дружинников настала спокойная жизнь: сгинул неведомый злодей и больше не появлялся. А раз не появлялся, то и расследовать дальше не стали. Так никто, кроме невинно пострадавшего кота Василия, и не узнал, кто был тот разбойник.

Но вы-то, небось, уже догадались?

Опосля того, как дружинники Ивана домой не пустили, затаил он на них обиду, вот и шлялся с тех пор вдоль границы по ночам в шапке-невидимке да измывался над ними, как мог. А потом надоело ему, да и пошлину больше не требовали, так он домой и вернулся.

Откуда у него та шапка диковинная взялась? С ней вообще интересная история приключилась.

Как драка с дружинниками у дуба закончилась, побрел Иван к ручью разбитое лицо умыть. А как водные процедуры закончил, так впопыхах шапку свою новую, что у Яги на зайца сменял, задом наперёд напялил. Глянул в ручей, а отражения-то в воде и не видать... Тут-

то Ваня и смекнул, что шапка эта никакая ни купеческая на продажу, а эксклюзивная (опять заковыристое словечко от лукоморского мудреца вспомнилось). Так, что нет худа без добра.

Вот все на свои места и стало. Один вопрос остался: зачем Яга такую ценную шапку на зайца сменяла? Может думала, что заяц не простой, поскольку накануне путеводный клубок Ивану-царевичу дала, и уж очень ей хотелось квартирный вопрос с братцем разрулить. Да видать так этой идеей увлеклась, что сама себя перехитрила. А может ей и впрямь зайчатины жареной приспичило?.. Кто ж её – нечисть поймёт?

*«Пусть неказиста с виду, но
Всё, на пути своём, порушит.
Посеет зависть, злость в душе.
Та жаба, что безмолвно душит».*

Ледниковый период в Лукоморье

Зима в Лукоморье в этом году выдалась настолько лютой, что даже море покрылось ледяной коркой, а плевков до земли долетал в виде сосульки и разбивался об неё со звоном.

Не может того быть, чтобы вы об этом ничего не слышали. «Лукоморские вести» целую неделю трубили про этот феномен на все лады и высказывали самые невероятные версии. Не относительно плевков, превращающихся в сосульки, разумеется, а про то, почему море замёрзло.

Но обо всём по порядку.

импровизировал Васька, скользя по обледеневшей цепи, то и дело забывая от холода текст, вставляя в него отсебятину и тихонько ругаясь. От лютой стужи не спасала ни лохматая шерсть, ни натянутый поверх неё дурацкий комбинезон – подарок царёвой дочки Алёнки. Ваське она сказала, что привезла его из заморского королевства, но вот злые языки поговаривали, что на самом деле это заслуга воеводы. Что, дескать, им доподлинно известно и они своими глазами видели, как однажды утром воевода обнаружил и собственноручно снял этот заморский презент со шпиля на крыше, где тот развевался навроде флага. Алёнка его отстирала от сомнительных пятен ниже пояса, заштопала, и уже после этого подарила Ваське, чтобы добро не пропадало. Комбинезон всегда бесил учёного кота, поскольку был идиотского ярко-синего цвета с ядовито-жёлтым треугольником на груди, в который с трудом вписывалась кроваво-красная буква «S». Вдобавок ко всему, вершина треугольника указывала на кошачье достоинство, куда, как казалось Василию, туристы нахально косились, стоило ему облачиться в эту спецодежду. Но в сложившейся ситуации Васька без раздумий напялил на себя шутовской наряд, что не очень-то помогло согреться. Усы примёрзли к морде и покрылись инеем, а язык с трудом ворочался во рту.

Немногочисленная иностранная делегация, непривычная к подобным суровым климатическим условиям, немного поглазела на заморское подмороженное чудо, у которого от холода заплетался язык, да и ретировалась греться в трактир «У дуба». Лишь один рыжеволосый викинг по имени Рагнар ещё долго торчал у дерева, вроде испытывал необычное животное на прочность, ожидая, пока то околеет, чтобы, вероятно, забрать ледяную статуэтку себе, как сувенир. Но Васька сдюжил.

Дабы подчеркнуть всю трагичность ситуации, он изменил направление движения по цепи направо и дурным голосом что было сил заорал:

Было видно, что на Рагнара эта песнь не произвела впечатления, как и вокальные способности Василия. Он стоял неподвижно, точно упомянутый айсберг, который почему-то не дрейфовал, а примерз к своей смотровой площадке намертво. Василий даже было забеспокоился о его здоровье, поскольку ему-то такая ледяная скульптура здесь и нафиг не сдалась.

Но то ли наконец сжалившись над животиной, а то ли осознав, что таки действительно прохладно, Рангар тоже ушёл, а Василий тут же забился в дупло дуба, где пряталась от холода русалка Анфиса. Дабы пресечь паломничество пьяных туристов, кот для порядка – как это было заведено в заморских королевствах, повесил снаружи на дверь табличку: «Улетел в теплые края! До лета не беспокоить! У меня ёлки! С Новым годом! Валите нафиг!»

Разумеется, никакого международного скандала подобная шалость вызвать не могла, поскольку написано всё было на древнеславянском, который не все и местные-то знали, а иностранцы – так и подавно. Но вот к табличкам с наружной стороны двери иностранцы относились уважительно.

И если на моря туристы ездили сугубо летом, а на разные там лыжные курорты – зимой, то в Лукоморье народ валил толпой круглый год, а особенно любил туда на праздники навесываться. Оно и понятно, ведь разных диковинок там хватало с лихвой. Вот от иностранцев

отбоя и не было. Очень уж им хотелось собственными глазами на всё посмотреть, дабы в своих заморских королевствах хвалиться, что «и я там был – мёд с пивом пил». Но кроме того, имелся ещё и некий политический подтекст в подобных турах. Туристы эти потом с чистой совестью могли всяких там послов-зазнаек одёргивать и на место ставить, что, не вы, мол, одни умные, мы и сами с усами, тоже кое-где побывали и кое-что повидали, короче, знаем – плавали.

* * *

«Зимушка-зима устлала радующим глаз белоснежным покрывалом дороги, укутала деревья и дома...» – прочёл Васька, переминаясь на околевших лапах и прихлебывая горячий чай, после чего фыркнул и недовольно отбросил в сторону «Лукоморские вести». Попона из инея на спине и точно такая же белоснежная шапка на голове постепенно оттаяли и сползли на пол.

«Нифига себе покрывало, – подумал Васька. – Глаз-то оно может и радуется, но вот достоинство и хвост при таком экстриме вполне можно отморозить».

По мнению подавляющего большинства взрослого населения, лучшей была признана версия «Лукоморских вестей», объясняющая, что глобальное потепление и таяние ледников привели к изменению направления гольфстримов, потому и приключился такой жуткий катаклизм. Но ученый кот Василий точно знал, где собака порылась и кто виновник этого торжества стихии.

Единственное, чего он не знал, так это того, что привело Деда Мороза в их края? Может, путь-дорогу решил сократить, а может, ему до ветру приспичило? Про то мне тоже неизвестно, врать не стану. Да это и не столь важно. Тут главное – конечный результат. А результат этот превзошёл самые смелые ожидания.

Оказался, значит, Дед Мороз не совсем в том месте, где его ждали детки, но в то самое время, когда царь лукоморский развернул активную подготовку к Новому году. Тут-то стремление следовать новогодним традициям и сыграло злую шутку. Самая главная новогодняя традиция какая? Это любой и каждый знает – что за Новый год без ёлки?

Но царь тоже хорош гусь – нашёл кого в лес за ёлкой послать. Лучше бы он воеводу отрядил. Тот, хоть и туповат, но ёлку от березы отличить сумел бы. Так нет же, он Ваньку туды послал.

А наш пострел везде поспел – и ёлку добыл, и с Дедом Морозом повстречался. Как там дело было, кот во всех деталях и подробностях у Ивана не выпытывал. Достаточно было и упомянутого ранее – конечного результата.

Что с него взять? Дурак он и есть дурак – уж если ему что в голову втемяшится, то такого наворотит, что десять умников не смогут понять: зачем и для чего?..

«И что мы имеем? – грустно итожил Василий, – самый настоящий северный полюс, со всеми вытекающими. Народ дровишки не успевает в печь подбрасывать, царь подати на ЖКХ поднял до небес – дворец-то отапливать нужно, а там только комнат почитай не меньше десяти. Да и туристы сопли морозить не особо желают – казна пустеет... Вот свалят завтра-послезавтра эти экстремалы, как только протрезвеют, а на Новый год фиг кого сюда затянешь.

Кощею-то оно конечно пофиг, поскольку он – тварь бессмертная, да и Горынычу только на руку этот катаклизм. Мало того, что у него внутренний автономный подогреватель имеется, так он ещё и личную выгоду решил из ситуации извлечь. Дошёл до меня слухок, что предлагает трёхголовый за умеренную плату – значительно ниже царевых податей, свои услуги по обогреву помещений, предприниматель, тудыт его. А нам-то что делать? Зверьё-то мы, конечно, сказочное, но и колотун-то тоже не детский, так что тут пятьдесят на пятьдесят...

Благо, хоть известно, кто виноват. Попробуем от этого оттолкнуться, дабы определиться с тем, что делать? Хотя, что тут думать? Как ни крути, а нужно Серого Волчару в путь-дорогу снаряжать, а то до весны мы точно не дотянем».

* * *

В новогоднюю ночь на улице стоял лютый холод, как и десять ночей кряду до неё. Мороз трещал такой, что уши сворачивались в трубочку и краснели даже под ушанкой, а прохожие очень быстро начинали понимать, как чувствуют себя туши в рефрижераторе. Несмотря на всё это, Иван, нахлобучив ушанку, ближе к полуночи вышел на крыльцо и с неподдельным интересом стал всматриваться в звёздное небо.

– Что ты, Ванюша, там высматриваешь? Никак Дедушку Мороза с оленьей упряжкой? – отвлёк его от важного дела Серый Волк.

– Да, нет, Серый. С Дедом Морозом я недавно встречался и он кое-что мне пообещал. Не, ты только не подумай, что я для себя у него что-то попросил, я для людей тут, сюрприз...

– Та я в курсе – кот уже намурлыкал, – перебил его Волк. – Я тебе, Ваня, больше скажу – лучше бы ты для себя чего-нибудь попросил, а то этими благими намерениями, ты вроде уже как – того.

– Чего – того? – набычился Иван.

– Устроил всем сюрприз. Или ты не один запланировал?

– Что-то я в толк не возьму, о чём ты?

– О том, что желание твоё, Ваня, дурацкое. Из-за него люди страдают – мёрзнут. Да ещё царь подати поднял... Все злые теперь, как собаки, и никто празднику не рад.

– Вот и делай после этого людям добро, – обиженно буркнул Иван. – Ничего, скоро поражаются.

– А как думаешь, вот если им рассказать, из-за кого и ради чего они страдают, то что с тобой сделают, дурья ты башка? Ты что, не мог у Деда Мороза пряников там или колбаски к новогоднему столу попросить?

– Эх, не романтик ты, Серый...

И тут, с двенадцатым ударом часов, небо окрасилось причудливыми бирюзовыми, пурпурными и фиолетовыми зигзагами северного сияния.

– Разве же это не красотища?! Разве оно того не стоило?! – с неподдельным восторгом в голосе вопрошал улыбающийся, счастливый Ивашка, глядя на небо.

Внезапно мороз отступил, а узоры на небесном своде тут же растаяли.

– Как же это? Куда же оно подевалось-то? – Иван с недоумением огляделся по сторонам.

Но Серый Волк в ответ лишь неопределённо пожал плечами. Не мог же он признаться Ивану, что по совету кота Василия догнал упряжку Деда Мороза и тоже попросил у него кое-что для всех – к Новому году. Пусть его желание и оказалось не таким волшебным, как было Ванькино, а более прозаичным и приземлённым...

Самое главное, что оба новогодних желания сбылись, Дед Мороз никого не обманул, и все получили свой новогодний подарок!

*«Зима! Крестьяне, торжествуйте!
На дровнях обновляйте путь!
Лошадки ваши снег почуяв,
Не станут в озере тонуть!» —*

*«А я такой холодный,
Как айсберг в океане,
И если не согреюсь,
То в льдинку превращусь...»*

Реформатор

Кашей нехотя оторвался от ноута и осмотрел собравшихся неприветливым взглядом.

– Ну чего пригласил, старый, не тяни душу? – скрипучим голосом вопрошала сестрица Яга.

Остальные промолчали – в знак согласия с бабулькой.

– Разговор есть, братья и сестры, – продолжал что-то пытливо вычитывать в ноуте Коша. – Не, ну совсем распоясались графоманы. Вы только послушайте какую хрень о нас пишут, – и он процитировал: – ... Взяв птицу за шею, он попытался засунуть яйцо ей в дупло...

Да не было этого, мамой клянусь. Или это вот место: «Привязать к нему утку за клюв было делом нескольких минут. Заяц вообще-то недолюбливал уток, особенно в собственной заднице. Зверь прядал ушами и мелко трясся. Кашей уселся напротив зайца, поплевал на ладони и, упершись ногами ему в плечи, принялся тянуть шнур. Глаза косого сошлись у переносицы и полезли на лоб». Не, ну охальники, чего напридумывали.

– Так это не о нас, а о тебе, братец, – ехидно каркнула старая карга и на ее противной роже мелькнула зловещая улыбка, – слава – штука коварная и не обходится без черного пиара. Так чего собрал-то? А то мне гуси-лебеди ужин там принесли, а я здесь торчу. А он бедный уже лишние два часа мается, вместо того, чтобы жариться.

– Дык, братец Дракула мне тут давеча по скайпу одну интересную тему подкинул. Хотел вот с вами бездельниками обсудить.

– Что за темка-то? – оживился Соловей Разбойник.

– Дык, у них там в заморском королевстве нынче реформы разные в моде.

– Это что за зверь такой? – вопрошал Горыша.

– Как бы вам объяснить? – задумался Кашей. – Ну, вот взять, к примеру, тебя, Горыша. У тебя головы-то три?

– Ну, три.

– Вот и выходит, что жрешь ты за троих.

– Ну?

– Баранки гну. А работаешь за одного. Непорядок. Тут одно из двух: тебе либо пахать надо за троих, либо провести сокращение.

– Это как?

– А вот так, – гаркнул Кашей, выхватил меч и не задумываясь снес Горыше две лишние головы.

Жертва реформирования и глазом моргнуть не успела.

Третья голова заохала, запричитала, как только отошла от шока, на что Кашей высокопарно заявил:

– Реформы, други мои, безболезненными не бывают. Так-то. Привыкайте жить по-новому.

* * *

Кашей бухал третий день кряду и сокрушался:

– Но почему у нас все не как у людей, но что за уникальность и самобытность такая у нашего народа? У них реформы идут, пользу приносят, а у нас от них кроме вреда никакой пользы.

– Да не огорчайся ты так, сердешный, – успокаивала его сестрица Яга, поглаживая по лысой голове. – Ну, с кем не бывает, да с любым могло случиться. Зато о тебе книги вон пишут.

– Но почему у нас все наперекосяк и через пень колоду? – продолжал ныть Бессмертный.

– Да ладно тебе, но отросли у Горыши вместо одной отрубленной головы три новых, ну о семи головах он теперь. Так что из-за такой ерунды от реформ отказываться?..

* * *

«И то правда, – решил Кашей, опосля того, как реформа с Горынычем не прошла. – Стоит ли из-за такой ерунды от перспектив отказываться? Братец Дракула вон сказывал, что у них там – в заморском королевстве тема слияния и поглощения во всю рулит. Мы-то чем хуже? Чай, тоже не лаптем щи хлебаем».

Собрал он снова братву лесную и давай им генеральную линию партии гнуть – свою то бишь. Пришли на сходку, как обычно, и Яга, и Соловей, и Лешак, даже многострадальный Горыша о семи головах пожаловал. Начал Кашей традиционно:

– Разговор есть, братья и сестры. Тут вот мне брательник Дракула свежую тему подкинул.

– Шо, опять?! – с неподдельным ужасом хором заорали пять голов Горыныча.

– Ша, мутант. Не о тебе речь, – успокоил жертву реформ Кашей. – Тут дело позакрывистее буде.

При этих словах, лесная братва опасливо переглянулась и на всякий случай отступила на пару шагов назад.

– И что за тема-то? – выразила сестрица Яга всеобщий вопрос общественности, застрявший у соратников в глотках.

– Вот согласитесь, что как-то неправильно мы с вами живем – прячемся ото всех в чаще лесной. Влияние-то определенное на царство Берендея имеем и сферы влияния у нас вроде как разделены, но...

– Ты никак войну удумал развязать, старый? – ужаснулась Яга, а соратники тихо зароптали.

– Экономическую! – уточнил Кашей. – То бишь – бескровную. Тут ежели грамотно карту разыграть, то мы царство к рукам приберем, что Берендей и пикнуть не успеет.

– Это как-так? – заинтересовался Соловей Разбойник.

– Надобно нам заслать к Берендею своего человечка, чтобы он царю объяснил, что в странах заморских сейчас в почете разные там казино, фондовые биржи, ночные клубы, стриптиз-бары... – задумался Кашей при этих словах на минуту. – Не, пожалуй стриптиз-бары упоминать не стоит, рановато в нашем царстве об этом толковать, а тем паче – перенимать этот пагубно-передовой опыт сексуальной революции. Так можно все дело на корню загубить...

* * *

В это самое время царь Берендей думал думу тяжкую про то, что нечисть лесная последнее время распоясалась и его подданным житья от нее нет. В лесу пройти невозможно стало: то Леший грибников в болото заманит, то гуси-лебеди – слуги Бабы Яги детишек воруют, то Соловей Разбойник торговый люд да купцов заезжих грабит. Нужно было что-то с этим безобразием решать, потому, как в народе недовольство зрело. А там и до бунта – рукой подать. Призвал царь воеводу Ивана и велел тому с безобразниками лесными разобраться и статус «кво» восстановить.

Иван котомку с едой собрал, сабельку вострую начистил, стрелы заточил да и отправился в лес. Перво-наперво заглянул к Яге. Он по молодости, было дело, услугу бабушке оказал – за хранение и распространение травы привлекать к цареву суду не стал, а отпустил на все четыре стороны. Так, что она в долгу у Ивана была. Яга его на дуб с сундуком, в котором смерть Кашеева хранилась и навела, больно достал ее братьей Кошей своими реформами.

Иван, как и полагается, к дереву тому сходил и иголкой заветной обзавелся. По ходу пьесы со всей положенной по сказочным канонам живностью разобрался: с кем договорился, а кого и подстрелить пришлось... Дело в том, что вместо зайца в сундуке почему-то кенгуру сидело... Стероиды, епть. Пришлось Ивану за зверем диковинным марш-бросок совершить, но подстрелил таки чудо-зайца дивного.

Короче, явился воевода к Кашею в замок. Тот, как Ивана увидал, обрадовался, невероятно – дескать на ловца и зверь... Решил завербовать его и засланным казачком к царю Берендею отправить.

Партнерство в бизнесе ему в равных пропорциях пообещал, долю в бизнесе. Не пожадничал – целых полцарства под это благое дело выделил. Он-то Ивана после кокнуть собирався, потому и не скупился на обещания. Воевода внимательно выслушал предложения злодея, а потом без всякого там пафоса, тихонько так – в кармане сюртука иголочку и сломал. Он ее в это время пальцами теребил, и вдруг – хрусть. Может от волнения то случилось, как про большие деньги речь зашла, про то мне не ведомо. Кашей сразу же за сердце схватился, а только медицина тут бессильна оказалась...

Не срослось, короче, у Кашея с реформами – не удалось ему реализовать перспективный и многообещающий проект по слиянию и поглощению царства Берендеева. Самобытность загадочной русской души подвела... или роковая случайность помешала?..

Короче, нефиг все, что ни попадя слушать, жадничать и ценные вещи где попало хранить потому, как от этого несварение желудка и прочие неприятности случаются... иногда, даже, с летальным исходом.

Часть 2. Родом из детства

Сказка про царя-милитариста и Степку-пацифиста

Произошла эта история в давние времена в одном малоизвестном царстве-государстве. Правил там бесноватый царь-батюшка по имени Ферапонт. Попервах-то он вроде ничего так правил, хватался за всё: то нечисть местную шугал, то с пьянством боролся, то с бездорожьём, даже по развитию глобальной канализации проекты имел. Но с годами энтузиазм угас. Может, притомился, а может, осознал всю бесперспективность своих затей? Про то только ему ведомо.

Царство Ферапонта махонькое было, а казна и того меньше. Вот и приходилось самодержцу всю законодательную и исполнительную власть на своих плечах тащить – указы там издавать разные, казни устраивать и помилования подписывать, новые подати придумывать. Хлопотное это дело, что ни говори, а благодарности от людей никакой. Вот царь на всех и обозлился. Но сказать честно: «Я устал, я ухожу» у него язык не поворачивался. Очень уж ему хотелось свой след в истории оставить, да такой, чтобы на века, чтобы последующие поколения его помнили и содрогались. И вот чего удумал сатрап – решил соседнее царство завоевать, а то и целых два (а чё мелочиться), чтобы стать ампирактором. Заодно и казна пополнится, будет на что дороги мостить и каменные сортиры строить. Дальше всё по отработанной схеме – в завоёванных царствах наместников своих поставить, чтобы те тамошний народ гнобили, да ему исправно дань платили, а он как сыр в масле катался бы. Перспективный такой бизнес-план себе придумал и немедленно взялся за его осуществление.

С этой самой мечты-идеи царя Ферапонта всё и началось.

Уж откуда самодержцу такая блажь в голову втемяшилась, неведомо. То ли он в книге какой вычитал, что царям таким образом полагается авторитет укреплять, то ли съел что-то не то на ночь и в дурном сне ему это привиделось, а может, от скуки? С развлечениями-то там жуткий напряг был. Верноподданный Ферапонту народ жил бедно, и из развлечений всего одна качеля в царстве имелась да ещё хор свистунов, да артель плясунов. Свистуны, конечно, знатно трели выводили. Как начнут они вечером, бывало, русские народные-то насвистывать, так аж соловьи от зависти с веток падают. Жаль только, репертуар у них скудный был и ограничивался буквально четырьмя композициями. Надоели проклятые хуже горькой редьки, аж уши от них у царя разболелись. Плясуны тоже в немилость впали. Виданое ли дело, кроме гопака да трепака ничего больше стопать не могут. Был у царя заезжий немчур, обещал дураков новомодному буги-вуги выучить, да только не преуспел: спился и в выгребной яме утоп. Балы в тех краях тоже дюже большой редкостью были, поскольку их не чаще чем раз в три года устраивали, да и то в соседних царствах. К тому же, нашего царя-самодура никто туда не приглашал, дабы чего непотребного не вышло. А уж заморские гости в то царство и вовсе ни ногой, поскольку царь бездетным был и красавица дочь на выданье у него напрочь отсутствовала. Да и жены не было. По молодости как-то хотел жениться, но видя, как невеста на мяско с хреном налегает да из бурдюка вино потягивает – передумал жениться, решил, что прокорма много уйдёт. С тех пор о сватовстве не думал, а для монаршего блуда простоволосых девок звал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.